

Лев
Кожевников

рассказ

Об отце. Поминальное

*П*О СТАТИСТИКЕ, на каждые сто фронтовиков 1921–1922 года рождения выживших было всего двое. Выбитое поколение. Мой отец как раз из выживших. Повезло?... Безусловно. Если не считать тяжёлой контузии и ранений.

Мне и брату, стало быть, тоже сильно повезло.

На наши с отцом охоты иногда я брал старенький «ФЭД». Плохая плёнка, так себе фотобумага, плюс время, поэтому

качество тоже так себе. Но вот один из эпизодов мне хорошо запомнился.

Ходовая охота – вещь нелёгкая. Сели мы с ним перекусить, в беломошниках. Отец закурил и ушёл куда-то далеко в себя. Не слышит. Ну, я отстал с разговорами.

Курил он, пряча по привычке тлеющий конец беломорины глубоко в ладонь. Иногда помахивал перед носом, разгоняя дым. И вдруг слышу:

**Бьётся в тесной печурке огонь,
На поленьях смола, как слеза,
И поёт мне в землянке гармонь:
Про улыбку твою и глаза.**

Дальше первого куплета дело не пошло. Отец вдавил окурочку в гнилую валёжину. Поднялся. Но я вдруг явственно, как никогда, ощутил в ноздрях пороховую гарь, кислый запах мокрых шинелей, окопную сырую глину, запах солдатской махорки. Померещился даже уголок бревенчатого сруба. И непрекращающийся гул... Такого «окопного» исполнения я больше не слышал ни от кого. От отца тоже. В гостях, на домашних посиделках он обычно «косил» под Бернеса. Не хотел, быть может, возвращаться на войну. Даже мысленно.

Отец умер в семьдесят семь лет...

Я проводил его от крылечка дома до машины «скорой помощи», помог донести авоську с пожитками. В салон он забрался сам. Ни он, ни я тогда не знали, что видимся в последний раз. Через неделю отца не стало, скончался на больничной койке. Медсестра проводила нас с братом в конец больничного коридора. Там в полутёмном закутке я увидел его, лежащего на железной каталке под наброшенной простынёй. На запястье на потёртом гайтане повис старинный нательный крест, довольно массивный. Никогда прежде такого креста у отца я не видел, хотя всегда знал, что он из старообрядцев.

Существует поверье, что усопшего надо выносить на кладбище из собственного жилища, дав возможность его душе попрощаться с родными стенами. Мы с братом, конечно, знали об этом. Но был июль 1999-го. Жара стояла несутветная, и держать покойного в прожаренном насквозь доме, нам показалось, глупо. Выносить поэтому решили сразу из больницы.

На третий день после похорон отец «пришёл» попрощаться с родными

стенами сам... Произошло это утром. Я спал в горнице на диване, один в пустом доме. Мама умерла год назад. У брата в городе своя квартира.

Сплю я довольно чутко, можно сказать с «открытыми ушами». Поэтому присутствие чего-то постороннего почувствовал сразу. Ощутил лёгкое движение воздуха, и разлепил глаза... Это был он, отец. Я смотрел ему в спину, в тот момент, когда отец открыл дверь и шагнул в прихожую. Мой взгляд он почувствовал, оглянулся — глаза в глаза. И я прочитал в выражении его лица некий упрёк, типа: что ж вы, такие-сякие, на кладбище-то меня сразу сволокли?

Но, может, и ошибаюсь. Может, не было с его стороны никакого упрёка. Но я человек сугубо суеверный, поэтому прочитал выражение лица так, как нашептала мне совесть. А совесть нашептала мне то, что обычно в таких случаях за глаза скажут о вас люди: мол, вон какие сыновья, даже переночевать не дали покойному, чтобы душа проститься смогла.

Я, сильно обалдевший, вышел следом. На двор. Наш кобелёк стоял, повиляв хвостом. Но смотрел не на меня. На ворота, хотя ворота были на запоре.

Ну и ну!

— Эй! Ты чего, собакен, не сгавкал даже? Совсем чуйку потерял?

Впрочем, какая собака станет облаивать хозяина?

— Ладно. Извини, друг.

И ещё деталь. Это уж задним числом вспомнилось. Проститься с родными стенами отец явился не в костюме с галстуком, как похоронили. И не такой измученный, изболевшийся, как в последние минуты своей жизни. Вид был обычный, домашний. Бросился в глаза даже носок, заштопанный на пятке ещё мамой.